

Мария БУТИКОВА (г. Зеленоград, Московская обл.)

Кружева

Холод ноябрьский, еще не снежный,

щиплет пальцы через перчатки,

и город лета утонул в безбрежных

моих размышленьях, весь без остатка.

Каждую ночь, будто извиняясь, луна

шлет в окно свой дрожащий белесый луч;

мы с ней очень близки, она

ко всем моим мыслям имеет ключ.

Дни осени несут с собой пустоту,

ветки, постепенно теряющие листья,

то, что я напишу, а потом не прочту,

несколько лет назад мне отправленные письма,

фотографии... то, что обычно собираем мы

в ожидании долгого сна зимы.

И хочется сказать этой осени,

с ее рассыпающимися в желтых искрах гроздьями,

в ее распахнутое окно,

что сердце мое – далеко,

притаилось в заброшенном доме меж хлама,

застряло в хрупком ряду кирпичей,

в который вделана ржавая рама,

свободно раскрытая, ведь дом – ничей.

Облачившийся в черные куртки город

(как будто играя с цветами он будет неправильно понят)

как всегда безразличен ко времени года,

безразличие, вошедшее в моду,

и у каждого из нас на лице.

И теперь, когда осень потихоньку сдает права

на души наши, вверху кружева

ледяные – крошатся и рвутся на сотни частей,

разным глазам – снежинки разных мастей,

рваное кружево, битые кирпичи;

даже если мы одиноки, что-то все равно позовет в ночи:

темно-синий, многое видевший свод,

разномастный фейерверк в миллионы пустот.

Самолеты

Самолеты – один за другим,

словно ищут в синем небе уютную гавань,

воздушный трафик без пробок,

пока я тку для нашего прошлого саван

пилотам тоже хочется, видимо,

совершить свой побег ото всех в никуда,

не возвращаясь в точку отправки

им знакома боль, когда и грудная клетка мала,

и все держится на булавках.

О булавки, воткнутые в наши сердца,

изысканные украшения для мазохистов

беды, что не стоят выеденного яйца,

имена, что забываются так быстро

целый лес острых сверкающих игл,

дизайн – позавидует сама Вивьен Вествуд

поручни, скользящие вниз с перил,

и душа, пропирсингованная песнями.

О, железные птицы,

что летят далеко в бесконечное небо

и покрываются блестящей корочкой льда,

срезают у облаков верхушки

и оставляют внизу наши поделенные

на двоих города

примите наш саван в свою компанию,

как большого воздушного змея

или отдайте его облакам

и улетайте вдаль быстрее.

Sale el sol

Под пальцами – холодные плитки пола

потолок полон бессонных ночей

сколько раз я смотрела в него,

он помнит каждый мой взгляд

выключенная, молчит радиола

несколько дней подряд

потолок скоро начнет крошиться

от взглядов моих в никуда

взглядов стая, как птицы на ветках

ветки – трещины на белых клетках

недалеко, за городом, опять зарницы

остались же еще города?

Пока дом еще не до конца разрушен

в дальнем углу все горшки с цветами сразу

мне хочется доползти до большой вазы,

чтоб в нее спрятать свою душу.

Небо медленно разгорается алым,

как фонарь из бумаги, где внутри свечка

мы вырезали такие, когда были детьми

часы на полке идти перестали,

не выдержали ближе к концу пути.

Сколько их, под этим алым небом,

под черным,

страшным оранжевым,

синим...

сколько забывших, как плакать, глаз,

чье никогда не узнаю имя

фонарики из человеческих тел

с огоньками надежды внутри,

сливающиеся в огромный костер

от него скоро зажгутся и трещины

с моими бессонными птицами

горит ярко,

и рассвет, что над нами крылья свои простер,

едва успевает первым заиграть на лицах.

Просыпаются все горячие обещания,

не зарытая в землю любовь,

ТО, ЧТО МОЖЕТ ВЫЖИТЬ СКВОЗЬ МУКИ

СКОЛЬКО ЭТО СОЛНЦЕ ВИДЕЛО ВОЙН,

И ВСЕ РАВНО К НЕМУ ТЯНУТ РУКИ.